

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОМ РАССЛОЕНИИ СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНИ И ЕГО ВОСПРИЯТИИ КРЕСТЬЯНАМИ И ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ ВЛАСТИ В 1923-1925 ГГ.

Е.Н. Шуранова

Обоснуем употребление термина «социальное расслоение». Автор [1] различает, во-первых, социальное неравенство (условия, при которых люди имеют неравный доступ к социальным благам – деньгам, власти, престижу; оно имеется даже в самых примитивных обществах). Во-вторых, неравенство развивается в социальную стратификацию (способ, с помощью которого неравенство передаётся от одного поколения к другому, в результате чего формируются различные слои общества). В-третьих, классы, которые обусловлены существованием социальных групп, имеющих неравный доступ к богатству и власти и неодинаковый престиж; положение, занимаемое ими в обществе, делает их влиятельными политическими группами¹. Социальная стратификация сибирских крестьян очевидна. Остаётся выяснить, в какой степени были антагонистическими интересы разных социальных групп в сибирском крестьянстве в рассматриваемый период, то есть присутствовало ли в их среде классовое расслоение и классовая борьба?

Произведённый В.П. Даниловым анализ советской деревни в 20-е гг. показывает переходный характер её социальной структуры и

социальных отношений. Отмечается наличие двух противоположных процессов: стихийного классового расслоения крестьянства и сознательно организуемого государственной властью осереднячивания. При этом в условиях многоукладной экономики имелась многообразная система социальных отношений и связей, не сводимая к распределению на социальные группы. Наряду с мелкотоварными и капиталистическими, государственно-капиталистическими и социалистическими отношениями присутствовали и дотоварные, «натурально-патриархальные» формы, причём, как правило, отдельное крестьянское хозяйство было вовлечено как в соседские связи, так и в отношения с частной торговлей, кооперацией и государством [2]. Следовательно, речь может идти о социальном расслоении деревни, ибо классовая дифференциация её ограничивалась государственной политикой. А наличие дотоварных форм и связей побуждало крестьян воспринимать себя как целостный социум.

Аналогичную картину даёт на материалах Сибири Л.И. Боженко. Он также констатирует сочетание процесса расслоения сибирского крестьянства с процессом укрепления бедноты и осереднячивания. При этом он показывает, что в середине 20-х годов обозначилась тенденция к росту и укреплению кулачества (удельный вес его повысился с 4,5 % в 1925 г. до 7,2 % в 1926 г.) и – одновременно – сокращение бедняцкой прослойки (с 44,5 % до 39,6 % в тот же период) при некотором росте середняцкой группы (с 51 % до 53,2 %). Л.И. Боженко делает вывод о доминировании мелкобуржуазных производственных отношений над капиталистическими, подчёркивая, что «сибирские крестьяне до революции ни по своей материально-технической базе, ни по формам ведения хозяйства не прошли весь цикл капиталистического развития и только втягивались в орбиту капиталистических производственных отношений, несмотря на быстрые темпы их развития». При этом мелкобуржуазные и капиталистические отношения в сибирской деревне на практике часто переплетались и смешивались с совершенно другими по характеру отношениями (отра-

¹ Определение класса, на взгляд автора, является неудачным: не совсем понятна разница между социальной стратой и социальным классом. Похоже, что классы – более крупные образования, к тому же имеющие и осознающие свои политические предпочтения. Возможно, проще и корректнее пользоваться известным ленинским определением: классы – это «...большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определённой системе общественного производства, по их отношению (большей частью закреплённому и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы, это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определённом укладе общественного хозяйства». – Ленин В. И. Великий почин // Полн. собр. соч. Т. 39. С. 15. Однако философ Г. Е. Глезерман справедливо указывает, что ленинское определение классов относится к антагонистическому обществу. Тот же автор трактует классовую борьбу как «борьбу между классами, интересы которых несовместимы или противоречат друг другу – т. е. как столкновение между антагонистическими классами». – Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 258, 260.

ботки, издольщина, супруга). Однако Л.И. Боженко считает приемлемым разделение крестьянства на три группы – бедняк, середняк и кулак, хотя оговаривает, что это не может охватить всего многообразия типов и промежуточных форм крестьянских хозяйств, которые встречались на практике. Поэтому автор использует такие термины, как отношения «господства и подчинения», «эксплуатации, зависимости и подчинения». Он приходит к выводу, что кулак в Сибири, как и в других хлебопроизводящих регионах страны, в большей степени, чем в европейском центре, проявил тенденцию к превращению из «мироеда» в предпринимателя-фермера и являл собою одну из форм капитализма [3]. В своём разделе обобщающего труда по истории сибирского крестьянства Н.Я. Гуцин и В.Я. Осокина отмечают, что в сфере землепользования в 20-е годы наблюдалось нарастание классовых антагонизмов, поскольку кулаки, как правило, были лучше обеспечены пашней и сенокосом. Одна из причин состоит в том, что, в отличие от Европейской России, в Сибири почти не проводилось систематического поравнения наделов. Другая – заключается в сохранении старых земельных распорядков: вольнозахватного права, земельной неустроенности, обладании кулачеством лучшими угодьями [4].

В.А. Ильиных считает обоснованным вывод о наличии кулачества в сибирской деревне, но также рассматривает его как буржуазию не до конца сформировавшуюся, не разорвавшую с остальным крестьянством родовой связи. Он не расценивает классовую борьбу внутри сибирского крестьянства как только политическую и подчёркивает превалирование её экономических форм. Более того, исследователь совершенно прав, предупреждая от представлений о кулачестве как единственном виновнике классовой борьбы в деревне. Учёный задаёт закономерный вопрос: «...А были ли основания для классовой борьбы в деревне в условиях нэпа, или речь должна идти о её затухающих, рецидивных формах?» Примечателен его вывод о существовании в налоговой сфере противоречия между крестьянством как классом в целом – и государством (которое всё более снималось в отношении беднейшего крестьянства). Политические устремления кулачества, считает В.А. Ильиных, были опасны для Советского государства даже не сами по себе, но как могущие привести к блокированию кулака с середняком. Это и привело к осложнению политической ситуации в сибирской деревне в

1924 – 1925 гг. Однако впоследствии (до конца 1927 г.) политическая обстановка оставалась стабильной, хотя и содержащей в себе корни будущего обострения [5].

И.С. Кузнецов считает, что суждения о собственнической природе крестьянства (которая, по идее, и должна питать классовую борьбу внутри этого социума. – автор) «носили в значительной мере априорный характер или были основаны на отдельных впечатлениях о жадности, скупости крестьян и т. п.». Он приходит к выводу, что главным, с точки зрения крестьян, были не размеры хозяйства, а то, каким путём это богатство получено. Поэтому в массовом сознании кулаком считался не вообще зажиточный хозяин, а стяжатель, мироед, поступающий не по справедливости [6].

Таблицы, составленные Л.И. Боженко по бюджетным обследованиям крестьянских хозяйств и характеризующие их основной капитал, валовую продукцию, затраты на ведение хозяйства и (чистый) доход, точнее, прибыль, показывают отчётливую тенденцию роста экономической мощи зажиточной (кулацкой) группы. Она выражалась в росте стоимости средств производства, прежде всего сложных машин, построек и т. д., и затрат на него. Ещё более заметно увеличение валового производства и дохода (прибыли) от ведения хозяйства. Принимая за бедняцкие хозяйства с посевом менее трёх десятин и за кулацкие – свыше 10 десятин, мы получаем следующие округлённые соотношения между этими группами. По стоимости основного капитала разница между кулаками и бедняками составляла в 1923/24 году 5:1, в 1924/25 – 5,6:1, а в 1925/26 – 8:1. То есть средствами производства кулак был оснащён в среднем в восемь раз лучше, чем его бедный односельчанин. По валовой продукции разница составляла в те же годы 4,5:1; 7,5:1 и 6,7:1. Иначе говоря, в середине 20-х гг. кулак производил продукции в семь раз больше бедняка. Считая средние затраты на одно хозяйство, получаем пропорцию между кулаком и бедняком 4:1 в 1923/24 г., 6,7:1 в следующем и 7:1 – в 1925/26. Наконец, по прибыли соотношение между зажиточным хозяином и бедняком выглядит так: 5:1; 8,5:1 и 6,5:1 [7].

Таким образом, разрыв по показателям валовой продукции и извлечения прибыли достиг максимума в 1924–1925 году, и только в следующей налоговой кампании обеспокоенное этим государство стало предпринимать меры для ограничения кулачества и его экономического и социально-политического

влияния, что и нашло отражение в некотором снижении указанных параметров. Эти шаги затрагивали прежде всего налоговую систему, которая на протяжении нэпа менялась ежегодно.

С конца 80-х годов, когда в российской публицистике и историографии стали резко пересматриваться многие выводы и оценки предшествовавшего периода, существование в деревне 20-х годов классового расслоения и социальных конфликтов было подвергнуто сомнению. Однако новосибирская исследовательница В.И. Быстренко на примере сибирского батрачества убедительно доказывает наличие социального расслоения в деревне. Во второй половине 20-х гг., с восстановлением аграрной экономики, дешёвый наёмный труд стал использоваться как средство повышения мощности своего хозяйства, тогда как в первые годы нэпа он носил преимущественно подсобный характер. К тому же государство постоянно стремилось регулировать правовое и социально-экономическое положение батрачества [8]. Следовательно, в рассматриваемый нами период социальная конфликтность на почве найма рабочей силы не имела массовых оснований. Однако это не означает отсутствия противоречий вообще. Случай, приводимый в государственной сводке Томского губернского отдела ГПУ по Щегловскому уезду [9], можно считать типичным: в литературе подобные многократно описаны².

На наш взгляд, труды исследователей деревни показывают, что в 20-е годы речь должна идти именно о социальной стратификации, а классовое размежевание находилось в начальной стадии, к тому же сдерживалось государством. Надо полагать, что если первая может восприниматься как естественное явление и быть психологически приемлемой, то второе является следствием антагонистических противоречий и ведёт к классовой борьбе. В сибирской деревне 1923 – 1925 гг. этот процесс находился в начальной стадии.

Закономерен вопрос: как воспринимали в указанный период расслоение крестьянства сами крестьяне, с одной стороны, с другой – представители власти? Ещё в конце предыдущей налоговой кампании, в январе-феврале 1923 г., Омский губернский отдел ГПУ от-

² В апреле 1923 г. кулачество Титовской волости, узнав об организации батрачковых, стало увольнять батраков, которые являлись в уездный комитет РКП(б) с просьбой устроить их на работу, и укому партии приходилось этим заниматься (примечательно, что батраки не нашли – не знали, по всей видимости, – иных способов защиты своих интересов – через профсоюз или суд).

мечал в сводках, что тяжёлое положение бедноты используется кулачеством для её экономического закабаления и собственной наживы. Вследствие этого зажиточные крестьяне приветствуют нэп, а беднота относится к новой экономической политике отрицательно, говоря: «Это не пролетарская власть, а власть красных купцов» [10].

В.И. Ленин указывал, что «...без классовой борьбы за политическую власть в государстве социализм не может быть построен» [11]. Однако нередкие выборы в местные органы власти крепких хозяев свидетельствуют о том, что между зажиточными и основной массой крестьянства не было непреодолимой пропасти. В селе Шевели Щегловского уезда уполномоченными от общества по землеустройству были избраны два кулака, к тому же лишённых права голоса. В ответ на протесты бедноты кулачество аргументировало: «У нас в Шевелях все развитые мужики лишены права избирательного голоса и выбирать некого» [12]. Иначе говоря, крестьяне соглашались, что в вопросах, требующих грамотности и разума, целесообразно использовать людей, таковыми качествами обладающих, а не в соответствии с социальным критерием. Да и для самих крестьян было достаточно сложно отделить кулака-мироёда от культурного и зажиточного хозяина³ [13].

Во многих случаях крестьянская общественность была согласна с тем, что большинство бедняков – лентяи, а кулаки – это прежде всего трудолюбивые крестьяне и хорошие хозяева. Трудно с ходу возразить таким пассажирам богатого крестьянина в адрес бедноты: «С нас дерут шкуру, а лентяи живут, мы на них работаем и с них ничего не берут» и «Мы их не просили к себе на работы, они сами идут, дабы не пропасть с голоду» [14]. Нежелание зажиточных крестьян «отдуваться за бедноту» в смысле налогов и прочих сборов можно расценивать как проявление уравнительности – одной из традиционных черт крестьянских утопических воззрений, сочетающейся в то же время с индивидуализмом. Причём антинэповские настроения, нелюбовь

³ На взгляд автора, данная констатация находится в некотором противоречии с выводом тех же авторов, что в середине 20-х гг. выявился раскол деревни на «старую» и «новую» – и в личной, и в общественной жизни крестьянина. Изученные нами материалы показывают, что в указанный период – во всяком случае, в сибирской деревне – раскол только намечался, а проявился он несколько позже – в 1926 – 1927 гг., да и то – не по отношению к новациям, а, скорее, по социальному признаку, причём не без усилий партийного и государственного руководства.

к зажиточным соседям логично расценивать как следствие реальных социально-экономических противоречий, порождённых новой экономической политикой, материальных трудностей и эксплуатации, испытываемых беднотой [15]. Этот эгалитаризм мы считаем вытекающим из представлений об общности крестьянской судьбы, крестьянского образа жизни – независимо от социальных различий.

Примечательна оценка, вынесенная сотрудниками ГПУ, взаимоотношениям между полярными социальными группами деревни. Говоря о чрезмерных трудностях организации батрачества, они фиксировали: «Самое батрачество, разбросанное по разным уголкам уезда в одиночку, находится под влиянием кулачества и скрывает своё классовое положение» [16]. Возможны две причины подобного поведения (или, скорее, их сочетание). С одной стороны, бедняк боялся лишиться куса хлеба, если он будет перечить кулаку и демонстрировать независимость от него. С другой – бедняк вполне мог искренне считать зажиточного соседа своим благодетелем, поскольку тот, давая работу, позволял прокормиться.

Кулачеству в ряде случаев удавалось подчинить себе часть бедноты и середняков. Например, в ходе землеустройства уговаривали совместно уйти на выселки [17], оплачивая им расходы [18]. Согласие маломощных хозяев на совместное переселение с зажиточными на хутор свидетельствует, на наш взгляд, о доминировании в их сознании не классовых антагонизмов, а общекрестьянских представлений. Но в некоторых случаях бедняки и середняки настаивали на своём и получали лучшие участки пахотной земли и покосов, чем зажиточные их соседи были, естественно, недовольны [19]. Подобные эпизоды свидетельствуют о том, что социальные противоречия в деревне осознавались ещё недостаточно, во всяком случае, не всеми крестьянами.

То, что крестьянин «не замечает невыгодности своего хозяйства», не чувствует эксплуатации со стороны богатых соседей, владеющих машинами, выявило обследование Мариинского уезда Томской губернии, проведённое комиссией Сибирского краевого комитета РКП(б) в январе 1924 г. Комиссия под руководством заведомо агитации и пропаганды А.В. Перимова большое внимание уделила применению машин в крестьянском хозяйстве. И вполне обоснован её вывод: необходим переход к новым формам хозяйства, в частности, к коллективной закупке

машин. Была выражена озабоченность тем, что партийные и комсомольские организации не занимаются данными вопросами. Однако даже такой анализ «с карандашом в руках» привёл комиссию к заключению, что в изученном районе «большого расслоения не замечается» [20].

Другая комиссия Сибкрайкома партии, обследовавшая в том же месяце Абаканский район Минусинского уезда Енисейской губернии, поставила целью выявить кулаков. Однако ни крестьяне на общих собраниях, ни коммунисты на заседаниях ячейки не могли дать точного определения кулака. Председатель райисполкома тоже был в затруднении: вначале он говорил, что в районе 2-3% кулацких хозяйств, потом назвал цифру 4-5%, однако ни одного конкретного кулака указать не смог. Ещё поразительнее заявление члена райкома партии: «Кулака выдумал Наркомпрод, который нас, рабочих, гнал брать развёрстку». Сами же сотрудники аппарата Сибкрайкома РКП(б) обнаружили в районе не более пяти или десяти кулацких хозяйств, отметив: «Давать одинаковое определение кулака для всего района нельзя. В каждом отдельном селении нужно находить своё определение кулака». При этом члены комиссии констатировали, что сами крестьяне делят свои хозяйства на бедняцкие, середняцкие и зажиточные. Слово «кулак» употребляется не как объективный показатель, а, скорее, выдаёт эмоциональное отношение: «Называться “кулаком” никто не желает и всякими способами от этого “почётного” звания стараются вывернуться» [21]. Подобную картину – отсутствие кулака как такового – дают и материалы других обследований сибирской деревни.

Тонкое наблюдение характера взаимоотношений в крестьянской среде было сделано при проводившемся с августа 1924 г. обследовании Родинского района Славгородского уезда Омской (тогда) губернии. Члены комиссии констатировали, что бедняк не получает помощи от зажиточного соседа, очень редко помогает инвентарём или скотом середняк. Бывает, что бедняк «сопрягается с таким же бедняком, но не из чувства классовой общности, а благодаря обоюдной индивидуальной выгоде». В таком социальном контексте логичным представляется вывод комиссии о том, что надеждой бедноты является совершенствование своего хозяйства: землеустройство, переход к многополью и развитие животноводства [22]. Иначе говоря, выход тогда виделся не в политическом наступлении на кулачество, а в повышении конкуренто-

способности маломощного хозяйства.

В следующем году ситуация для сибирских властей навряд ли существенно прояснилась. Комиссия Сибкрайкома РКП(б) под председательством А.Р. Розита, обследовавшая Покровский район Рубцовского уезда Алтайской губернии, как «ни старалась, ... не могла установить такого критерия», который дал бы возможность разделить крестьян на бедноту, середняков и зажиточных (обращает на себя внимание даже отсутствие употребления слова «кулак»). При этом указывалось, что сами крестьяне выделяют эти группы, но чисто произвольно, «"по понятию" местных органов власти и самих граждан». В результате получается, что середняки одного села оказываются иногда заметно мощнее зажиточных хозяев соседнего. К тому же члены комиссии отметили иждивенческие настроения бедноты: они слабо проявляют хозяйственную инициативу, рассчитывают на помощь государства – и получают её в виде налоговых льгот и семенной ссуды, которую редко возвращают [23].

Правда, можно заметить: А.Р. Розит не учёл того, что беднота бывает разная и не проявляет предприимчивости по разным причинам. У некоторых для этого просто нет возможностей. Приведённые выше данные показывают огромную разницу в оснащённости инвентарём между бедняками и «крепкими хозяевами». Это неравенство было осознано сибирскими властями гораздо позднее [24].

В условиях политического успокоения сибирской деревни в сравнении с периодом 1920 – 1922 г., поворота её к решениям задач хозяйственного подъёма многие сельские коммунисты тоже стремились к количественному и качественному росту своего хозяйства. Отношение к этому руководящих партийных органов было двойственным. С одной стороны, говорилось о необходимости ликвидации сельскохозяйственной неграмотности крестьян – членов партии в деревне [25]. Предполагалось, что в партию, кроме батраков, бедняков и сельских активистов, «должны приниматься такие деревенские передовики, которые, не применяя наёмного труда, не эксплуатируя другого крестьянина, переходят к культурным формам ведения хозяйства и к коллективным формам, давая тем пример всему селу» [26]. Впрочем, несколько позднее уже говорилось о пополнении партийных рядов за счёт «наиболее близкой к партии части середняков»⁴[27]. При этом мы

видим, что вопрос о «хозяйственном обрастании» коммунистов не афишировался в публичных решениях органов партийного руководства.

С другой стороны, процессы социального расслоения действительно затронули сельские партийные ячейки. В тезисах отчётного доклада Щегловского укома РКП(б), готовившихся к уездной партконференции в ноябре 1924 г., приводятся такие примеры. В одной из ячеек имелся коммунист, который пользовался «популярностью» среди кулачества. Сам он характеризовался как зажиточный (крестовый дом, несколько наёмных работников) и, как сообщается, частенько поговаривал: «Революция теперь кончилась, нужно заниматься хозяйственным строительством». Остальную часть ячейки составляла беднота (по выражению кулаков – «из-под лодки»), которая открыто говорила, что этот человек – не коммунист. Член другой ячейки отказывался от партийных поручений, говоря, что «хозяйство разрушится, а семья будет голодовать». При этом, отмечалось в тезисах доклада, он имел четыре рабочих лошади, несколько коров и 8 или 10 десятин посева – и всё это благодаря разным льготам и работе в кооперации, от которой он, в отличие от партийных заданий, не отказывался [28]. Разумеется, трудно судить, насколько упомянутые крестьяне были убеждёнными коммунистами. Не исключено, что они видели свой партийный долг в укреплении личного хозяйства, росте сельскохозяйственного производства – чтобы кормить страну.

Итак, сочетание боязни «обрастания», которое многие члены партии считали несовместимым с коммунизмом, и опасений, что в результате активного выполнения общественных обязанностей хозяйство может пострадать, рождало психологический конфликт у многих деревенских коммунистов. А их руководители даже на губернском уровне тоже пока не могли определить надлежащего отношения к хозяйственно окрепшим членам сельских ячеек.

Настороженное отношение к хозяйственно окрепшим коммунистам нашло отражение в материалах пленума Омского губкома РКП(б). На пленуме, состоявшемся в январе 1925 г., в докладах с мест много говорилось о «болезненных явлениях» (пережитках партизанщины, пьянстве) в сельских партиях. Представителя Татарского укома партии беспокоило, что сельские коммунисты недоста-

⁴ Обращаем внимание на то, что речь шла уже не о культурных и трудолюбивых хозяевах, а о политической ПОЛЗУНОВСКИЙ ВЕСТНИК № 1 2006

лояльности. Впрочем, для партии как политической организации это вполне естественно

точно активны, недисциплинированы, не пользуются авторитетом среди местного населения, свободное время заполняют варкой самогона, его продажей и групповым пьянством, а также берут взятки и допускают растраты и прочие злоупотребления. Примечательно, что причину этих непартийных поступков секретарь уездного комитета усмотрел в зажиточности деревенских коммунистов. Зато бедняцкие ячейки, по его мнению, отличаются в лучшую сторону дисциплиной и активностью и в большей степени пользуются уважением крестьян [29].

В закрытом письме секретарям Центрального комитета и Сибкрайкома РКП(б) о состоянии дел в парторганизации за июнь – сентябрь 1925 г. секретарь Омского губкома партии Симонов делился своими наблюдениями и сомнениями: «Кое-что появилось и новое. Так например на конференции (так в тексте; возможно, в черновике название было написано неразборчиво. – автор) района можно было слышать: “Дайте нам платного секретаря, пусть он в ячейке за нас делает, всё, что требуется, а мы займёмся хозяйством, потому что плохого хозяина-коммуниста крестьянство не уважает”. И такие явления в деревнях уже есть. Такие члены партии ведут культурное хозяйство. Оно растёт. Нередко у такого члена партии урожай достигает тысячи пудов и выше» [30].

Томская губернская контрольная комиссия РКП(б) на своём пленуме в мае 1925 г. рассматривала приравнивание «обросших» коммунистов к кулакам как явное нарушение линии партии в деревне. Она считала необходимым вначале тщательно изучить значение экономически окрепших деревенских коммунистов в работе сельской ячейки. В частности, интересовали вполне разумные вопросы: «Насколько наличие в организации этих коммунистов усиливает влияние партии на средняцкие слои крестьянства и приток в партию из экономически окрепших слоёв крестьянства... Каково отношение средняцких слоёв крестьянства к партии и усиливается ли влияние на них сельской парторганизации, в связи с появлением в ячейке окрепших коммунистов-крестьян»⁵ [31].

Даже в Сибирском краевом комитете РКП(б) не было полной ясности в вопросе о том, что собой представляет кулак и какова

его роль в сибирской деревне, о чём свидетельствует развернувшаяся в 1925 г. дискуссия. Секретарь Сибкрайкома С.В. Косиор занял в ней весьма осторожную позицию. Избегая острых углов, он определил примерную численность кулака в крае в 1 или 1,5 процента, подчеркнув при этом более крепкий, более средняцкий – в сравнении с центральной частью страны – состав сибирского крестьянства [32].

Представляется, что в 1923 – 1925 гг. крестьянство ощущало себя не разбитым на антагонистические группы, но, скорее, единым социумом с общим образом жизни (противопоставляемым нередко городскому [33]) и, следовательно, общими интересами. Представители власти исходили из того, что мелкое крестьянское хозяйство, согласно теории, просто обязано рождать «капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе» [34, 35]. Однако идеологи и руководители были в затруднении, по каким критериям следует делить крестьянство на социальные группы.

Исследователи единодушны в том, что в условиях нэпа центр тяжести классовой борьбы смещается в сторону экономическую. Кулак сопротивлялся политике Советской власти в области налогообложения, землеустройства, регулирования отношений аренды земли и найма рабочей силы, считал излишней организацию крестьянских комитетов общественной взаимопомощи, стремился занять влиятельные позиции в руководстве кооперацией и местными советами, чтобы отстаивать свои материальные интересы [37]. Вопрос: можно ли эти формы рассматривать именно как классовую борьбу? Или же это, скорее, естественное проявление социальных противоречий, ещё не осознанных в полной мере, не принявших политизированной формы? В таком случае, всякий ли социальный конфликт является классовой борьбой? Даже «кулацкий террор», судя по сводкам, представлял собой в некоторых случаях не террор как таковой, а пьяные драки, стихийные вспышки порождённого неприязнью (в том числе и на социально-политической почве) насилия. Например, в сводке, озаглавленной «Активные действия (террор) кулачества» приводятся такие факты, имевшие место в Новониколаевской губернии в 1924 г.: на Пасху кандидат в члены РКП(б) убит тремя кулаками, с которыми он вместе «пьянствовал»; тоже «при совместном пьянстве» с кулаками избит до потери сознания член партии; «подвергался под всевозмож-

⁵ В советской историографии тенденция рассматривать хозяйственно окрепших крестьян-коммунистов как «обросших хозяйством» расценивалась как опасная, а необходимость их специального исследования понималась как обоснованная

ные издевательства за принадлежность к компартии и в результате был избит» комсомолец – причём «будучи на свадьбе и принимая участие в гулянке с попами и кулаками»; кулак устроил попойку, на которую пригласил нескольких коммунистов, одного из них избил и отобрали у него партбилет. В некоторых случаях кулаки только подозревались в совершении нападения на коммуниста или сельского активиста, иногда наряду с политическими мотивами признавалось и присутствие личных счётов. Разумеется, гораздо больше случаев, когда преступные действия в отношении партийцев, сельских должностных лиц, активистов, участников кампании по выявлению скрытых объектов обложения, борцов с самогоноварением были вызваны именно социально-политическими мотивами. Часто упоминается ненависть к коммунистам за их участие во взимании развёрстки и в первой продналоговой кампании. Всего за апрель – октябрь 1924 г. сводка насчитывает по шести губерниям Сибири 8 убийств, 39 избиваний и попыток к убийству, 13 фактов устных угроз, 28 поджогов. А с начала 1924 г. по август 1927 г. в Сибири было зафиксировано 749 актов кулацкого террора [38].

В советский период историческая наука указывала, что кулаки привлекали к классово-вой борьбе деклассированных и хулиганствующих элементов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Смелзер Н. Социология. М., 1994.-С. 274.
2. Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М., 1979.-С. 11, 12, 22, 356-357.
3. Боженко Л.И. Сибирская деревня в восстановительный период (1921 – 1925). Томск, 1978.-С. 21, 55, 73, 79-80, 232, 247-248.
4. Крестьянство Сибири в период строительства социализма... С. 115.
5. Ильиных В.А. Соотношение форм классово-вой борьбы в сибирской деревне в условиях нэпа (1924 – 1927 гг.) // Актуальные проблемы истории советской Сибири. Новосибирск, 1990. С. 94-105.
6. Кузнецов И.С. Социальная психология сибирского крестьянства в 1920-е годы. Дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1992. С. 91, 125, 127.
7. Боженко Л.И. Указ. соч. С. 86, 88, 89.
8. Быстренко В.И. Батрачество Сибири в 20-е годы XX века. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Томск, 2000. С. 26, 27, 30.
9. ГАКО. Ф. Р-165. Оп. 1. Д. 12. Л. 33об.
10. ГАОО. Ф. Р-27. Оп.2. Д. 5. Л.13, 31об.
11. Ленин В.И. О кооперации // Полн. собр. соч. Т. 45. М., 1964.-С. 375.
12. ГАКО. Ф. Р-165. Оп.1. Д. 12. Л. 270.

13. Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М., 1988.-С. 156.

14. ГАКО. Ф. Р-165. Оп.1. Д. 12. Л. 265 (го-синфсводка за 20 сентября – 5 октября 1924 г.).

15. Кузнецов И.С. Социальная психология российского крестьянства в условиях нэпа // Россия нэповская: политика, экономика, культура. Новосибирск, 1991.-С. 57-59.

16. ГАКО. Ф. Р-165. Оп. 1. Д. 12. Л. 139об.-140.

17. Гуцин Н.Я., Ильиных В.А. Классовая борьба в сибирской деревне (1920-е – середина 1930-х гг.). Новосибирск, 1987.-С. 98.

18. ГАКО. Ф. Р-165. Оп. 1. Д. 12. Л.152об., 198об.

19. Там же. Л. 229.

20. ГАНО. Ф. П-2. Оп. 7. Д. 3. Л. 3об.-4.

21. Там же. Д. 25. С. 2, 7.

22. ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 95. Л. 5.

23. ГАНО. Ф. П-2. Оп. 7. Д. 32. С. 2.

24. Каврайский В. Дифференциация крестьянства Северо-Восточной Сибири // Жизнь Сибири. 1927. № 11-12. С. 42.

25. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е. Т. 3. 1922 – 1925.-С. 122.

26. Там же. С. 247.

27. Там же. С. 365.

28. ГАКО. Ф. П-47. Оп. 1. Д. 327. Л. 13об.

29. ЦДНИОО. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1. Л. 1об.-2.

30. Там же. Д. 51. Л. 51об.

31. Там же. Оп. 1. Д. 4а. Л. 20-20об.

32. Демидов В.В. Об одной малоизвестной дискуссии накануне XIV партсъезда // Россия нэповская: политика, экономика, культура. Новосибирск, 1991. –С. 42-45.

33. Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г. Указ. соч. С. 149.

34. Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Полн. собр. соч. Т. 41. М., 1963.-С. 6.

35. Гуцин Н.Я., Ильиных В.А. Указ соч. Глава 2. Классовое расслоение и классовая борьба в 1923 – 1927 гг.-С. 76-141;

36. Суверов В.М. Деятельность партийных организаций Сибири по укреплению союза рабочего класса с крестьянством (октябрь 1917 – 1925 гг.). Томск, 1985. С.-242-250.

37. ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 2а. Д. 2. Л. 164-178; Крестьянство Сибири в период строительства социализма... С. 142.

38. Гуцин Н.Я., Ильиных В.А. Указ. соч. С. 112, 122.